

СУД, ПРОКУРАТУРА
АДВОКАТУРА

РОССИЙСКАЯ СУДЕБНАЯ ПОЛИТИКА:
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ С УЧЕТОМ
НАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ АСПЕКТОВ¹

© 2014 г. Александр Васильевич Малько²,
Сергей Федорович Афанасьев³

Краткая аннотация: статья посвящена проблеме формирования и реализации современной российской судебной политики с учетом национальных и международных аспектов.

Annotation: present article is devoted a problem of formation and realization of a modern Russian judicial policy taking into account national and international aspects.

Ключевые слова: суд, судопроизводство, правовая политика, судебная политика, правовая жизнь, судебная жизнь, судебная политика, правосудие, право на справедливое судебное разбирательство.

Key words: court, legal proceedings, the legal policy, the judicial policy, a legal life, judicial life, judicial policy, justice, the right to fair proceeding.

Категория правовой политики была введена в научный оборот в конце XIX – начале XX вв. Однако до сих пор не существует ее однозначного имманентного понимания. Политиками, учеными и практиками приводятся различные трактовки указанной категории, но все они признают обусловленность правовой политики национальными правовыми факторами и традициями, а также особенностями общих глобализационных процессов современного мира⁴.

Однако как бы ни понималась правовая политика, формально она всегда связана с правовой системой, которая играет организующую и координирующую роль, а с содержательной точки зрения – с правовой жизнью как истоком и сферой проявления означенной политики. Последняя же ориентирована на создание эффективного механизма правового регулирования, на цивилизованное использование юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепление законности и правопорядка, фор-

мирование правовой государственности и высокой правовой культуры общества и личности⁵.

При этом в аспекте предмета механизма правового регулирования можно говорить о многообразных внешних формах выражения правовой политики и ее видах, в частности о судебной политике как особо значимой деятельности государства по созданию действенного механизма правового регулирования, обеспечивающего надлежащий уровень правосудия по уголовным, гражданским и административным делам для защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций. Как правильно пишет А.П. Коробова, “главное предназначение правосудия заключается в защите прав и свобод человека и гражданина, возможность беспрепятственного обращения за судебной защитой с целью их восстановления в случае нарушения – важнейшая гарантия соблюдения прав и свобод индивида со стороны государства”⁶.

Итак, судебная политика, будучи одним из основных видов правовой политики, прямо или косвенно исходит от государства в лице его компетентных органов, получая законодательное закрепление на федеральном или региональном уровнях.

¹ Статья написана при поддержке РГНФ (проект № 14-03-00284).

² Директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (E-mail: igr@sgar.ru).

³ Заведующий сектором отраслевых проблем правовой политики этого же института, доктор юридических наук, профессор (E-mail: af.73@mail.ru).

⁴ См.: Трофимов В.В. Глобализация как фактор развития правовой политики: позитивные и негативные аспекты // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 3. С. 8–13.

⁵ См. подробнее: Малько А.В. Правовая жизнь // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 68, 69.

⁶ Коробова А.П. Правовая политика как общетеоретическая проблема // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 2. С. 14.

Диалектическое соотношение судебной политики и судебной жизни несколько иное. Парадигма судебной жизни суть более емкая по сравнению с судебной политикой. Являясь формой социальной жизни, она выражается в многообразных видах деятельности и поведения людей, различных коллективов в сфере осуществления судебного права, направленных на принудительное обеспечение реализации частных и публичных, индивидуальных и групповых интересов, а также соответствующих им социальных ценностей. Судебная жизнь характеризует взятые в единстве предметные формы бытия человека и общества, т.е. как конкретную материально-предметную реальность, так и ментальное, духовное отношение к судебному праву, судоустройственным и судопроизводственным связям и принципам, используемому процессуальному инструментарию, который с той или иной степенью эффективности позволяет достичь поставленных целей⁷.

Что же такое судебная жизнь? Что отражает данная категория?

По мнению Э.М. Мурадяна, судебная жизнь – это нормальная форма существования суда, его функциональное состояние, соответствующее потребностям определенных субъектов права в той или иной судебной процедуре, в прояснении или разрешении конкретной юридической ситуации. В то же время судебная жизнь – это и способность суда к дальнейшему существованию в условиях перманентной критики его деятельности; это иски и возражения, обвинения и попытки самооправдания стороны, призванной к ответу, или взаимного обвинения сторон; это и судоговорение, в котором суду и участникам предстоит постигать суть дела, очищать факты существенные от привходящих, реалии от вымысла, исследовать доказательства и опровержения; это разрешение противоречия за противоречием⁸.

На наш взгляд, судебная жизнь есть особая форма правовой жизни, выражающаяся преимущественно в судебных актах и правоотношениях, характеризующая специфику и уровень судебно-правового развития данного общества, отношение субъектов к суду и степень удовлетворения их интересов.

Судебная жизнь немыслима и невозможна без постоянно возникающих при этом судебных актов. В последние годы значительно повыша-

ется их статус, весьма заметно усиливается их правовое воздействие на общественные отношения. Посредством принимаемых актов суды во многом устраняют либо нивелируют просчеты законодателя, реально смягчают его подчас негативное нормативное воздействие на социальные процессы. Судебные акты представляют собой государственно-властное предписание, выражающее волю государства. Посредством этого вида правовых актов государство в лице суда выражает свое мнение относительно сложившейся ситуации, которая привела стороны в зал судебных заседаний.

Верно подмечено Э.М. Мурадяна, что, “если суд не функционирует, его существование не оправдывает себя. Суд – не музей. Его ценность подтверждается и поддерживается востребованностью суда и приемлемостью судебных решений, прежде всего в оценке сторон”⁹.

Судебная жизнь характеризует специфику и уровень судебно-правового развития данного общества. Говоря об этом, мы прежде всего имеем в виду динамику правовой культуры и правосознания. Анализируя данные категории в рамках характеристики судебной жизни, следует обратить внимание, во-первых, на правосознание и правовую культуру обычных граждан и, во-вторых, на правосознание и правовую культуру судей, ибо именно судьи и лица, участвующие в деле, являются субъектами судебной жизни общества.

Как и при выстраивании правовой политики необходимо ориентироваться не столько на правовую систему общества, сколько на ее правовую жизнь¹⁰, так и при формировании судебной политики нужно исходить из имеющихся судебно-правовых реалий, из самой судебной жизни.

Дело в том, что судебная политика, с одной стороны, должна базироваться на действительных отношениях, протекающих в жизни процессах, учитывать их и реагировать соответствующим образом, с другой – судебная политика призвана организовывать судебную жизнь общества, налаживая определенным способом судебную систему. Здесь четко просматриваются взаимные связи и взаимозависимости. Судебная политика должна содержать в себе выработанную стратегию и тактику развития судебной жизни, ориентиры (цели и средства) для нее. В свою очередь, судебная жизнь представляет собой одновременно истоки

⁷ См. подробнее: Малько А.В. Теория правовой политики. М., 2012. С. 48, 49.

⁸ См.: Мурадян Э.М. Судебное право. СПб., 2007. С. 65, 67, 68.

⁹ Там же. С. 65.

¹⁰ См.: Проект Концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 г. / Под ред. А.В. Малько. М., 2008. С. 7–15.

и сферу проявления судебной политики, выступает ее объектом.

Необходимость выстраивания судебной политики диктуется проблемами, прочно “прописавшимися” в судебной жизни общества, например такими, как отсутствие единой судебной практики, низкий процент доверия к суду со стороны субъектов права, коррупция, высокая степень неисполняемости судебных решений и т.д.

В практическом аспекте данная политика представляет собой разностороннюю деятельность многих субъектов, направленную на решение следующих задач:

1. Оптимизацию правового регулирования обозначенной сферы.
2. Повышение гарантированности механизмов судебной защиты.
3. Улучшение сотрудничества государственных и негосударственных судебных структур.
4. Углубление взаимодействия внутригосударственных и международных судебных инстанций.
5. Формирование судебного и судейского права, судебно-правовой культуры и т.д.

Кроме названных можно выделить и такие пути усовершенствования судебной системы, как углубление специализации судей и судов, повышение уровня открытости и транспарентности судебной деятельности, внедрение информационных технологий (автоматизированная система распределения дел, аудио- и видеопротоколирование судебных процессов, электронные документы, видеоконференцсвязь, электронные базы данных и системы судопроизводства и т.д.). Более того, не подлежит сомнению, что будущее судебной системы – за внедрением “электронного правосудия”, под которым можно понимать способ отправления правосудия, основанный на использовании информационных технологий и включающий в себя целый ряд мер, обеспечивающих доступ к информации о деятельности судов и об автоматизации судопроизводства.

Судебная жизнь есть не строго организованный социальный режим, но совокупность всех форм судебно-правового бытия, которая включает в себя упорядоченные и неупорядоченные компоненты, закономерно и спонтанно возникающие события, имеющие фактическое или юридическое значение, позитивные и негативные составляющие. В частности, к последним допустимо отнести злоупотребление процессуальным правом, коррупцию, что не позволяет на практике

выносить законные и обоснованные решения, а также их реально исполнять.

Отсюда становится очевидным: далеко не все, что образует содержание судебной жизни, признается приемлемым или ценным для судебной политики, проводимой в тот или иной исторический период. Думается, судебная политика как способ организации судебной жизни по своей природе достаточно консервативна. Постепенно освобождаясь от всего старого, она инкорпорирует в себя новые аспекты правового бытия при условии наличия социального запроса на юридические новеллы и отсутствия острого конфликта со сложившейся системой общественных взглядов и интересов, а также если имеется возможность убедиться в утилитарных свойствах и явных преимуществах указанных новелл. Причем не секрет, что иногда в горниле судебной жизни вызревают новаторские идеи, значительно опережающие свое время, а потому государство при проведении собственной политики не берет их на вооружение, зачастую признавая их значимость гораздо позднее. В ряде случаев эти идеи могут быть радикальными, революционными или даже патологическими. Как следствие, они отвергаются действующим политическим строем. Тем не менее теневая часть судебной жизни дает импульсы для развития и совершенствования легальной судебной жизни, ибо любые девиации, ошибки и пробелы стимулируют к поиску противоядия, к изобретению ранее неизвестных юридических конструкций, правил и средств. В этом смысле теневая часть судебной жизни – такой же ориентир для судебной политики, как и легальная.

Хорошей иллюстрацией сказанному служит Концепция судебной реформы в РСФСР 1991 г., катализатором разработки которой явился кризис общественного доверия к правоохранительным органам. Авторы Концепции, прямо признавая данное обстоятельство, подчеркивали, что именно политико-социальный заказ, объективные потребности правовой жизни лежат в основе необходимости и целесообразности преобразования институтов государственной власти, отвечающих за охрану прав и свобод человека, поэтому само государство, не дожидаясь революционных перемен, обязано предпринять шаги по формированию системной и комплексной судебно-правовой политики. В документе отмечалось, что Концепция создана “не для воплощения очередной утопии, не для подгонки живой жизни под умозрительные схемы, но для блага человека... Судебная реформа, как она воплощена в настоящей Концепции, нацелена на пробуждение общественной совести во имя достижения правды в экстремальных усло-

виях борьбы человека за свою жизнь, свободу и доброе имя”¹¹.

Верховный Совет РСФСР, обсудив представленную Президентом РСФСР Концепцию судебной реформы, не просто принял ее к сведению, но и поручил одному из профильных комитетов взять под контроль подготовку пакета подлежащих законопроектов. Это было сделано лишь отчасти, поскольку динамика изменения судебной жизни за прошедшие 20 лет была настолько велика, что у законодателя не было объективного потенциала последовательно и жестко структурировать судебную политику. Некоторые положения, изложенные в Концепции, сегодня кажутся достаточно странными либо излишними, к примеру о закреплении за гражданином права на суд присяжных, если ему грозит наказание, предусматривающее лишение свободы сроком свыше одного года; другие – нереализуемыми, в частности об абсолютном приоритете норм международного права над национальными; третьи – сформулированы в слишком общем виде, например о роли суда как оракула в споре между законодателем и правоприменителем.

Вместе с тем судебная политика смогла вобрать в себя новые идеи судебной жизни о состязательности, диспозитивности и транспарентности отечественного правосудия, а равно обеспечить внедрение начал разумности сроков судебного разбирательства и правовой определенности. При этом консерватизм данной политики проявился в фактическом отказе от децентрализации судебной системы за счет учреждения специализированных органов правосудия; избрания мировых судей на должность населением участка; сохранении дискреционных полномочий судей-администраторов в отношении всех остальных представителей судебного сообщества; территориальном совпадении деятельности судов и органов исполнительной власти и др.

Одним из последних ярких образчиков осуществления государством судебной политики является внесение 7 октября 2013 г. Президентом РФ в Государственную Думу РФ законопроекта об объединении Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ. В обосновании к законопроекту сказано, что реорганизация судебной системы позволит обеспечить единство подходов при отправлении правосудия касательно граждан и юридических лиц, исключить отказ в судебной защите при возникновении спора о подведомст-

венности дел (это обстоятельство неоднократно обоснованно критиковалось в литературе)¹², зафиксировать общие правила организации судопроизводства, добиться единообразия в судебной практике¹³.

Вполне понятно, что в случае принятия законопроекта объединенный суд через постановление конкретных правоприменительных или интерпретационных актов станет одним из основных императивных ретрансляторов правовой политической воли государства в области отправления правосудия по различным категориям дел. Не исключено, что в дальнейшем реализации судебной жизни потребуют коррекции судебной политики за счет учреждения Верховного Суда РФ со специализированными палатами: конституционной, уголовной, арбитражной, гражданской, а также по интеллектуальной собственности¹⁴.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что *prigori* нет и не может быть сколь-нибудь существенных расхождений между общей правовой и судебной политикой, коль скоро последняя является собой один из приводных ремней, обеспечивающих действие всего сложного организма государственной политики. В случае возникновения таковых законодательная и исполнительная ветви власти при участии институтов гражданского общества и в пределах предоставленных им полномочий должны модернизировать подлежащие нормативные правовые предписания либо принять новые. Однако, для того чтобы общая нормотворческая работа не была хаотичной, а напротив, представляла собой строго ориентированный и упорядоченный процесс, адекватно отражающий надобности политической, социальной, правовой (в том числе судебной) жизни, необходимо разработать концепцию судебной политики, что в целом позволит повысить уровень качества российского правосудия, создать благоприятные условия для полноценного судебного федерализма и снизить финансовые затраты¹⁵.

Пока же за отсутствием соответствующей концепции такие направления судебной политики, как судостроительная и судопроизводственная формируются законодателем фрагментарно и

¹² См.: Мурадян Э.М. Указ. соч. С. 107.

¹³ См.: Законопроект № 352 924-6 “Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации” // <http://pravo.ru/doc/view/328/> (Дата обращения: 28.10.2013 г.).

¹⁴ См.: Дворникова Т. Владимир Жириновский развил реформу // Коммерсант. 2013. 12 окт.

¹⁵ См. подробнее: Малько А.В. О проекте Концепции судебной политики в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 2. С. 142–144.

¹¹ Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. С. 79.

внеинтенционально, что провоцирует паллиативность каждодневной практической деятельности. Кроме того, рассматриваемый вид правовой политики во многом начинает отождествляться с иными видами политики – правоохранительной, правоприменительной, правоинтерпретационной¹⁶, чего следует всячески избегать.

Важно отметить, что каждое из названных направлений судебной политики синтезируется и структурируется различно, это обусловлено субъективными и объективными факторами, в том числе воздействием на российское законодательство и практику норм и принципов международного права, что является неотъемлемым аспектом современной глобализации.

Очевидно, что судостроительная политика испытывает наименьшее влияние международных юридических директив, поскольку она по своей природе институциональна, а значит, ее судьбу государство определяет самостоятельно через учреждение системы органов правосудия, судебного сообщества, а также общее руководство, координацию и оптимизацию работы вспомогательного административного аппарата. В силу принципов добровольности и добросовестности никто не может навязывать суверенным странам какие-либо установки по поводу того, каким образом должен быть устроен механизм судебной власти: нужно ли осуществлять специализацию по функциональному или организационному признаку, а равно какой вид придать вертикальным и горизонтальным отношениям между судами и т.д.

Поэтому в большинстве международных договоров не содержится указаний институционального характера – ведь они посягают на государственную независимость, если только речь не идет о вопросах глубокой интеграции и последующей унификации, как это произошло в Европейском Союзе, основу которого первоначально составили соглашения сугубо экономического свойства¹⁷. Затем экономические связи переросли в политические и правовые, что позволило заключить Маастрихтский и Лиссабонский договоры, дополнительно подписать 17 протоколов и 33 декларации.

На уровне Европейского Союза все это, вместе взятое, предопределило дальнейшие шаги госу-

дарств, среди прочего, и в юстициональной зоне. Кстати сказать, не последнюю роль в региональной интернационализации сыграла Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. И даже в этих обстоятельствах, предполагающих взаимное сближение стран, существенно измененный Договор об учреждении Европейского сообщества 1957 г. гласит, что в сферы, которые не относятся к его исключительной компетенции, Сообщество вмешивается на основании принципа субсидиарности (*principe de subsidiarite*) только тогда, когда и поскольку предполагаемые цели не реализуются достаточным образом государствами – членами и могут вследствие масштабов или результатов предполагаемых действий быть успешно осуществлены самим Сообществом¹⁸.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод, будучи одним из базовых международных документов, не предписывает государствам – членам Совета Европы, среди которых присутствует и Россия, проводить организационные мероприятия, связанные с устройством внутренних судебных систем. Из текста ст. 6 лишь следует, что справедливое судебное разбирательство становится явью, только если производится “разбирательство дела... независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона”. Очевидно, что главное в этой парадигме – слово “суд”, который как носитель определенных квалифицирующих признаков должен быть *независимым, беспристрастным и законным*¹⁹. Эти базовые институты всегда принимаются во внимание Российской Федерацией при проведении в жизнь судостроительной судебной политики (например, при учреждении единого Верховного Суда РФ и реформировании всех нижестоящих судебных инстанций), остальные – закрепляются государством в законодательстве *ad libitum*.

Напротив, правовая политика в области судопроизводства сегодня существенно детерминирована глобализационной динамикой, игнорирование которой бесперспективно, поскольку это ведет к правовому изоляционизму и крайне вредно с прагматических позиций. Конечно же, из сказанного не следует, что, развивая и совершенствуя собственную правовую политику, Российская

¹⁶ См. подробнее: Рудковский В.А. Правоприменительная политика: сущность и содержание. Волгоград, 1999.

¹⁷ Как известно, в 50-х годах прошлого столетия были образованы три сообщества: Европейское объединение угля и стали, Европейское экономическое сообщество и Европейское агентство по атомной энергии.

¹⁸ См.: Договор об учреждении Европейского сообщества, измененный Амстердамским и Ницким договорами // Конституции зарубежных государств / Под ред. В.В. Маклакова. М., 2006. С. 280.

¹⁹ См.: Осминин Б.И. Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств. М., 2008. С. III–VIII; Морозов А.Н. Реализация международных договоров в РФ: правовые основания // Журнал рос. права. 2009. № 2. С. 101.

Федерация не должна критически относиться к некоторым специфическим всеобщим цивилизационным явлениям. Задача заключается несколько в ином: сохраняя национальный позитивный правовой опыт и избегая его автономизации, гармонично соотнести усвоенные знания с общечеловеческими кросскультурными и юридическими ценностями. “В складывающихся качественно новых условиях нашей стране в рамках государственно-правовой политики предстоит, защищая и укрепляя государственный суверенитет... активно и инициативно участвовать в предстоящих реформах и модернизации норм, институтов и процедур..., одновременно совершенствовать и обновлять (в духе и соответствии с принципами и нормами модернизируемого международного права) свою национально-государственную систему права, – писал В.С. Нерсисянц. – Успех в сфере юридической глобализации (во внутригосударственном и международном праве) и во многом всей современной глобализации в целом будет зависеть от готовности и способности участников предстоящих преобразований мирового правопорядка удержать правовые достижения прошлого и обогатить их новыми, более развитыми (и исторически – более прогрессивными) правовыми (и вместе с тем государственно-правовыми) нормами, формами, институтами и процедурами”²⁰.

Говоря более детально о формировании отечественной судопроизводственной политики, нельзя не отметить, что в настоящее время она подвергается максимальному воздействию именно со стороны Конвенции о защите прав человека и основных свобод, что обусловлено потребностью выравнивания общеевропейских стандартов правосудия по уголовным и гражданским делам, которые описаны в ст. 6 Договора²¹. По большому счету магистральное направление проводимой внутренней судопроизводственной политики не должно отклоняться от международных стандартов²².

Микеле де Сальвиа, характеризуя судопроизводство, пишет, что на первый взгляд из текста ст. 6 Конвенции вытекает только то, что разбирательство должно быть публичным, осуществляться в разумный срок и заканчиваться открытым оглашением судебного решения. Между тем не так все тривиально, поскольку Европейский Суд

создал целый *corpus juris*, т.е. посредством эволюционного толкования выделил такие правила, которые прямо не прописаны в международном договоре²³. Сам Микеле де Сальвиа мыслит, что процессуальный элемент, или в авторской терминологии – “гарантии процедуры”, происходя из постулируемой справедливости, вбирает в себя: *равенство в использовании средств защиты, гласность судопроизводства, соблюдение разумных сроков разбирательства*²⁴.

Иной комментатор Конвенции, а именно Э. Гротрайан, подчеркивает, что процессуальный компонент правосудия охватывает в первую очередь *начало открытости слушания* юридического казуса; затем *разумный срок разрешения дел* по существу и *принцип равных средств*, т.е. равенства сторон. “Однако небольшие нарушения равенства, не наносящие ущерба разбирательству в целом, – пишет он, – не являются нарушением ст. 6”²⁵.

Лукис Г. Лукайдес выразил свое согласие с тем, что конвенционные нормы прямо или косвенно устанавливают все вышеперечисленное. Тем не менее, будучи судьей Европейского Суда, он неоднократно заявлял о неправильности превалярующей в постановлениях ЕСПЧ позиции, заключающейся в том, что страсбургское правосудие не вникает в окончательные выводы национальных судов, вследствие чего не проверяется несправедливость внутренних вердиктов. Лукайдес полагает, что причиной такой работы Суда является стремление избежать критики в свой адрес, так как страсбургские служители Фемиды фактически возложат на себя дополнительные, не обусловленные Конвенцией полномочия по интерпретации внутреннего материального законодательства и процедур²⁶.

Кстати сказать, приведенные суждения оказались небеспочвенны, что подтверждается постановлением Европейского Суда “Константин Маркин против России” (*Konstantin Markin v. Russia*) от 7 октября 2010 г. и реакцией на него российских властей. В частности, В.Д. Зорькин заявил, что

²³ См.: Микеле де Сальвиа. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. СПб., 2004. С. 349.

²⁴ См.: Микеле де Сальвиа. Европейская Конвенция по правам человека. СПб., 2004. С. 202 – 205.

²⁵ Гротрайан Э. Право на справедливое судебное разбирательство // Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Комментарий к статьям 5 и 6. М., 1997. С. 121.

²⁶ См.: Лукайдес Лукис Г. Справедливое судебное разбирательство (Комментарий к п. 1 ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод) // Рос. юстиция. 2004. № 2. С. 9–11.

²⁰ См.: Нерсисянц В.С. Правовая политика Российской Федерации: основные направления и задачи // Правовая политика и пути совершенствования правотворческой деятельности / Под ред. Н.С. Соколова. М., 2006. С. 116, 117.

²¹ См.: Леже Р. Великие правовые системы современности. М., 2009. С. 29.

²² См.: Богатырев В.В. Глобализация права. Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. Владимир, 2012. С. 15–17.

глобализация поднимает новую важную проблему о пределе уступчивости государства в вопросах самостоятельности принятия национального законодательства и проведения в жизнь собственной правовой политики (в том числе судами), что не имеет ничего общего с юридической самоизоляцией и ортодоксальностью²⁷.

Российские правоведы (вслед за иностранными теоретиками и практиками) также далеки от однообразной трактовки того, что должно составлять основное содержание судопроизводственной политики или процессуального элемента права на справедливое судебное разбирательство. Наблюдается несовпадение позиций: от сдержанных ремарок о непозволительности выдавать желаемое за действительное, усматривая в ст. 6 Конвенции то, чего там нет, до самого широкого понимания соответствующей международной нормы.

Так, М.Л. Энтин, ссылаясь на постановление “Моннелл и Морис против Соединенного Королевства” (*Monnell and Morris v. United Kingdom*) от 2 марта 1987 г., полагает, что речь нужно вести исключительно об обеспечении *реального участия лица в судебной процедуре; состязательности и равенстве процесса; разумных сроках его ведения*²⁸. Почти то же самое обнаруживается в исследованиях М.В. Кучина, однако он к перечисленному добавляет *публичность судебного разбирательства, а также объявления итогового постановления*²⁹.

О.И. Рабцевич утверждает, что минимальные процессуальные стандарты, исходя из п. 1 ст. 6 Европейской конвенции, сводятся к *публичности судебного разбирательства*, что подразумевает открытое проведение заседаний и оглашение правоприменительного акта; *разумности используемых сроков*, т.е. не должно быть необъективных задержек рассмотрения гражданского дела; *равенству процессуальных возможностей сторон* в условиях состязательности; *мотивированности решения*, завершающего правосудие. Что же касается права на исполнение судебного вердикта, то оно находится за пределами судебного производства³⁰.

Наконец, самое широкое истолкование процессуальным гарантиям права на справедливое судебное разбирательство дает Т.Н. Нешатаева. Она отмечает динамизм развития представлений Суда о гарантиях, а следовательно, их состав не может быть всегда константным. В настоящее время процессуальный компонент права на справедливое судебное разбирательство обнимает собой: *равенство сторон, состязательность процесса, гласность (публичность) судебного разбирательства, разумность срока разрешения спора, обоснованность и мотивированность судебного решения, безусловность его исполнения*³¹.

На самом деле во всех проанализированных мнениях нет антагонизма, поскольку они основываются на одной и той же конвенционной норме, дающей право каждому требовать публичного разбирательства дела в разумный срок при гласном объявлении итогового акта. Все остальные процессуальные составляющие возникли вследствие эволюционного интерпретирования ст. 6 Европейским Судом, ведь Конвенция считается “живым” и непрерывно развивающимся инструментом наднационального правового регулирования³². Поэтому договорные конститутивные установки нужно раскрывать в зависимости от сложившихся в то или иное время условий³³. Отсюда и появляются авторские разночтения в понимании процедурной составляющей права на справедливое судебное разбирательство. Суд же продолжает перманентно раздвигать процессуальные границы ст. 6 Конвенции. Так, к уже имеющим место началам публичности судебных заседаний и разумности сроков рассмотрения уголовных и гражданских споров были “добавлены” равенство и состязательность, мотивированность итоговых правоприменительных актов и их обязательная исполнимость.

В свете изложенного согласимся с мнением Т.Н. Нешатаевой о неприемлемости узкого подхода к комплексным процессуальным гарантиям права на справедливое судебное разбирательство, существо которого до сих пор поэтапно выявляется Европейским Судом в ходе разбора отдельных. Не исключено, что страсбургские судьи, творчески трактуя ст. 6 международного договора, откроют новые грани данного права, осветив

²⁷ См.: Зорькин В.Д. Предел уступчивости // Росс. газ. 2010. 29 окт.

²⁸ См.: Энтин М. Справедливое судебное разбирательство по праву Совета Европы и Европейского Союза // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 3. С. 87.

²⁹ См.: Кучин М.В. Прецедентное право Европейского Суда по правам человека. Екатеринбург, 2004. С. 180 – 223.

³⁰ См.: Рабцевич О.И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование. М., 2005. С. 114–136.

³¹ См.: Нешатаева Т.Н. “Право на суд” в решениях Европейского Суда по правам человека и арбитражных судов РФ // Вестник ВАС РФ. 2006. № 2. С. 126.

³² См.: Бернхардт Р. Европейский Суд по правам человека в Страсбурге: новый этап, новые проблемы // Гос. и право. 1999. № 7. С. 58.

³³ См.: Энтин М.Л. Международные гарантии прав человека: опыт Совета Европы. М., 1997. С. 11.

их в духе “минимальных, неотъемлемых мер свободы”³⁴.

Стало быть, российский законодатель, осуществляя судопроизводственную политику с учетом международной правовой составляющей, обязан обеспечить всем заинтересованным субъектам реализацию права на публичное судебное разбирательство, проведенное в разумный срок; равные процессуальные возможности в условиях действия принципа состязательности; получение мотивированного решения и его исполнение, а по уголовным делам дополнительно – права осужденного на пересмотр приговора вышестоящей

судебной инстанцией. Другие процессуальные и процедурные гарантии законодатель волен вводить по своему усмотрению с учетом практических потребностей.

Таким образом, хотя между судоустройственной и судопроизводственной сторонами единой судебной политики имеются объективные отличия, в контексте подлинного обеспечения прав человека и гражданина их следует рассматривать как взаимодополняющие, что, безусловно, нужно принимать во внимание при разработке соответствующей концепции, а также совершенствовании действующего механизма правового регулирования, оказывающего непосредственное воздействие на общественные правоотношения, возникающие в ходе отправления правосудия по уголовным, гражданским и административным делам.

³⁴ См.: Туманов В.А. Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М., 2001. С. 57–60; Абашидзе А.Х., Алисиевич Е.С. Право Совета Европы. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. М., 2007. С. 63.